

Yandere

Двойной эспрессо для В҇

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Yandere

Двойной эспрессо для ВJ

«Автор»

2026

Yandere

Двойной эспрессо для ВJ / Yandere — «Автор», 2026

В кафе Джиён – тихая клиентка, которая всегда берёт двойной эспрессо. Но в интернете она «Милая Д», популярная ВJ, чьи ночные эфиры собирают тысячи зрителей. Минхо знает обеих. Днём он работает бариста, по вечерам развозит заказы. Однажды татуировка на шее помогает ему понять: странная девушка из 402-ой квартиры и его любимая стримерша – один человек. После этого случайные встречи перестают быть случайными. Минхо начинает подстраивать маршруты, запоминать её привычки и собирать вещи, которых она никогда не дарила ему. В его комнате появляется алтарь созданный по образу девушки, которая должна принадлежать только ему. Минхо не мечтает о взаимности. Ему не нужны признания и любовь. Он хочет, чтобы Джиён исчезла из чужих экранов, чужих разговоров и осталась только рядом с ним. Но чем ближе он подбирается к ней, тем очевиднее становится: опасен не сам секрет Джиён, а человек, который решил, что уже имеет на неё право.

Содержание

Глава 1. Двойной эспresso.	5
Глава 2. Квартира №402.	10

Yandere

Двойной эспрессо для ВJ

Глава 1. Двойной эспрессо.

Кофейня «Kotton» жила по собственному расписанию. Утром в кофейне пахло подогретым молоком и корицей. Запах держался у стойки, смешиваясь с паром от кофемашины и влажной шерстью пальто, которые посетители развешивали на спинках стульев. Сонные разговоры не умолкали – просто звучали негромко: кто-то пересказывал вчерашний вечер, кто-то долго выбирал между двумя десертами. К полудню корица исчезала. Через приоткрытую дверь тянуло раскалённым асфальтом и выхлопами с улицы, а сладкий запах сиропа оседал возле стойки ванильного, карамельного, иногда слишком резкого, если крышку забывали закрыть. За столами сидели посетители с ноутбуками. Их лица подсвечивали экраны; чашки остывали рядом с ладонями, не успевшими отойти от клавиатур. Кто-то говорил по телефону вполголоса, кто-то смотрел в одну и ту же строку так долго, что Минхо успевал убрать соседний стол и налить себе воды. Дверной колокольчик звенел часто, почти без пауз. Вместе с каждым новым гостем внутрь врвался уличный шум. К вечеру поток редел. Свет за окнами становился резче: вывески аптек и круглосуточных ресторанчиков отражались на стекле, поверх улицы. В кофейне оставались те, кому не нужно было спешить, и те, кто просто не хотел сразу возвращаться домой. Именно этот час нравился Минхо. Кофемашина шипела лениво, с паузами; за стойкой остывала металлическая ложка, оставляя на блюде тонкий круг от кофе. В воздухе проступал запах жжёного зерна – сухой и чуть горький. Минхо протирал поверхность стойки, хотя она уже была чистой, и время от времени смотрел в окно. Снаружи улица продолжала двигаться: сворачивали автобусы, мигали вывески, прохожие исчезали за углом. Здесь же звук каждого шага и каждого поставленного на стол стакана был слышен отдельно. Минхо работал в «Kotton» почти полгода и за это время выработал простое правило: не запоминать лица. Минхо узнавал постоянных гостей по заказам: американо со льдом – высокий парень в университетской куртке. Латте на овсяном – женщина с рыжим пуделем. Фильтр-кофе без сахара – седой мужчина, который каждое утро читал газету. Лица усложняли работу. За лицами следовали имена, истории, чужие привычки и вопросы, на которые не хотелось знать ответы.

Но с Джиён это правило не работало. Она приходила по вторникам и четвергам, ровно в семь вечера. Иногда задерживалась у двери, словно решала, стоит ли вообще входить. Иногда сразу направлялась к окну, не снимая капюшона. Всегда садилась на одно и то же место: у стены, под тёплой лампой. И всегда заказывала двойной эспрессо без сахара. Первые несколько раз Минхо принимал заказ, ставил чашку на стойку и возвращался к своим делам. Потом начал замечать детали: как Джиён держала телефон экраном вниз, как постоянно проверяла время, как водила большим пальцем по краю бумажного стаканчика, даже если сидела с фарфоровой чашкой. Она никогда не приходила с друзьями. Не отвечала на звонки. Не разговаривала с кассирами разве что произносила заказ, тихо и коротко. Минхо казалось, что она не столько отдыхает в «Kotton», сколько прячется здесь от чего-то.

Вечер вторника шёл дождь. Мелкий, почти невидимый из-за света фонарей, но достаточно холодный, чтобы прохожие ускоряли шаг и прятали лица в воротники. Часы на стене показывали без десяти семь. Минхо пересчитывал сахар в третий раз. Жестокая потребность контролировать порядок не давала покоя. На стойке стояли четыре стеклянные банки: белый сахар, тростниковый, коричневый и сахарозаменитель. Он снял крышки, проверил уровень в каждой, затем заглянул под стойку – туда, где хранились запасные пачки. После этого принялся за пакетики.

– Ты снова пересчитываешь сахар? – спросила Ёна. Она стояла за стойкой, застёгивая длинный бежевый плащ поверх рабочей формы. Ёна была коллегой и единственным человеком в «Kotton», с которым Минхо мог молчать и не чувствовать неловкости.

– Не сахар, а банки, – ответил он.

– Это гораздо лучше.

– Их должно быть двенадцать.

– Их и есть двенадцать.

– Сейчас – да.

Ёна посмотрела на него с усталой улыбкой.

– Ты когда-нибудь допускаешь мысль, что мир не рухнет, если кто-то возьмёт лишний пакетик?

– Нет.

– Прекрасно. Тогда я оставляю кофейню на тебя и еду спасать свою машину. Под капотом стучит, отгоню её в автосервис.

Ёна уже направилась к выходу, когда дверь открылась. Внутрь ворвался холодный воздух вместе с дождевыми каплями. Джиён остановилась у порога. Она сняла капюшон, осторожно пригладила пряди и огляделась, будто проверяла, не изменилось ли что-нибудь за те четыре дня, пока её здесь не было. Увидев свободный столик у окна, она направилась к нему.

– Двойной эспрессо, пожалуйста, – сказала она. Хриплый, чуть приглушённый голос.

Минхо поднял глаза. Ему показалось, что он уже слышал его. Не здесь. Не в кофейне. В наушниках, поздней ночью, когда экран ноутбука освещал его комнату, а за окном шумели машины.

– Без сахара, – сказал он. – Я помню.

Джиён чуть заметно напряглась. Минхо понял, что поспешил, и добавил:

– Вы всегда заказываете один и тот же.

– Да, – ответила она после короткой паузы.

Джиён собиралась отойти, но Минхо уже включил кофемашину.

– Сегодня зёрна темнее обжарены, – сказал он, доставая чашку. – Вкус будет крепче. Если хотите, могу добавить немного молока.

– Нет. Пусть будет как есть.

Джиён отошла к окну. Минхо коротко кивнул и повернулся к кофемашине, но голос продолжал звучать у него в голове. Пока машина с тихим шипением наливала в чашку густой, дымящийся эспрессо, его мысли снова упорно цеплялись за вчерашний стрим. Он не просто случайно наткнулся на него – он специально сидел, обновляя страницу, пока экран не засветился мягким, приглушённым светом и в прямой эфир вышла девушка. На превью она сидела в полумраке, микрофон был так близко к губам, что казалось, можно было почувствовать её дыхание. Она называла себя Милая Д. Минхо смотрел стрим, не отрывая глаз, ловя каждое движение, каждую тень на лице VJ, и внутри, начинало нарастать возбуждение что уснуть потом было просто нереально. И вот теперь этот голос будто эхом отозвался в кофейне. Минхо не знал настоящего имени Д. Не знал, где она живёт, чем занимается днём и почему почти никогда не показывала лицо целиком. Он знал только то, что она выходила в эфир поздно вечером, обычно после полуночи, и говорила с людьми так, будто между ними не существовало экрана. Иногда читала сообщения. Иногда просто молчала под музыку. Иногда рассказывала о книгах, фильмах и бессоннице. А иногда наклонялась к микрофону и говорила совсем тихо, почти шёпотом. В такие моменты Минхо не замечал, как проходит время. Он убеждал себя, что его привлекал голос. Только голос. В нём была странная мягкость, скрытая под усталостью, и что-то ещё – ощущение, будто Д обращалась лично к нему, даже если в чате одновременно писали сотни зрителей. Это было глупо. Минхо прекрасно понимал, что не знает эту девушку. Он знал лишь тщательно собранный образ, который она позволяла видеть другим. Но понимание не

мешало ему вечер ждать её эфиров, проверять страницу перед сном и раздражаться, когда кто-то в чате называл её своей.

Он снял чашку с подставки. Слишком поздно заметил, что кофе пролился на блюдце.

– Чёрт.

Минхо вытер край салфеткой, налил новую порцию и поставил её на стойку. Джиён подошла бесшумно. Он хотел промолчать. Поставить чашку, взять деньги и вернуться к уборке. Но слова вырвались раньше, чем он успел их осмыслить:

– У вас очень красивый голос.

Джиён замерла. Её пальцы остановились в нескольких сантиметрах от чашки. Она медленно подняла голову, и впервые Минхо увидел её глаза тёмные, внимательные и настороженные.

– Что?

Он почувствовал, как к ушам приливает тепло.

– Я... – Минхо неловко кашлянул. – Просто заметил. У вас такой тембр. Его сложно не запомнить.

Это прозвучало ещё хуже. Слишком лично. Почти навязчиво.

– Вы читаете что-нибудь вслух? – поспешно добавил он. – Или, может, поёте?

Джиён смотрела на него так, будто пыталась понять, шутит он или нет.

– Не пою, – наконец сказала она. – И не читаю.

– Понятно. Минхо кивнул с видом человека, который только что получил исчерпывающий ответ. – У моей тёти похожий голос. Её узнают по телефону с первого слова. Иногда это удобно, а иногда нет. Например, нельзя притвориться, что ты не слышал звонок.

На лице Джиён впервые появилось что-то похожее на улыбку. Не настоящая улыбка скорее тень, которая случайно показалась в уголке губ.

– Извините, – сказал Минхо. – День был тяжёлый. Я говорю лишнее.

Он поднял руки, будто сдавался. Джиён посмотрела на чашку, потом осторожно взяла её обеими ладонями.

– Ничего.

Она сделала глоток. Слишком быстро, обжигаясь, и сразу поставила чашку обратно.

Минхо сжал пальцы на краю стойки.

– Кстати, про кофе, – сказал он, пытаясь перевести разговор в безопасное русло.

– Эти зёрна привезли с маленькой фермы в Колумбии. Владелец говорит, что ягоды собирают только на рассвете, пока роса не успела высохнуть.

Джиён чуть наклонила голову.

– Правда?

– Так написано в описании поставщика. Звучит как сказка, если честно. Будто фермеры каждое утро выходят на плантацию в белых рубашках, а солнце встаёт специально для них.

– И вы в это не верите?

– Я верю в ржавые грузовики и людей, которые хотят продать кофе подороже.

Джиён снова посмотрела на чашку.

– Но вкус всё равно нравится?

– Нравится. Поэтому, может быть, в этих мелочах действительно есть смысл.

За окнами проехал автобус, разбрызгивая воду по дороге. На секунду стекло задрожало, и отражение Джиён расплылось в жёлтом свете вывески напротив.

– На рассвете, – повторила она тихо, словно пробовала фразу на вкус. – Я думала, всё собирают днём.

– Я тоже.

– А вы были в Колумбии?

– Нет. Я вообще дальше Пусана не уезжал.

– Почему?

Вопрос прозвучал спокойно, но Минхо всё равно удивился. Джиён никогда не задавала вопросы.

– Наверное, потому что всё время собирался и откладывал, – ответил он. – А потом выяснялось, что сейчас не лучший момент.

– И когда будет лучший?

Минхо усмехнулся.

– Если узнаете, скажите мне.

На этот раз она действительно искренне улыбнулась. Этого оказалось достаточно, чтобы у Минхо сбилось дыхание. Он вдруг понял, что слишком долго на неё смотрит.

– Простите, – сказал он, хотя она ни о чём не спрашивала.

Джиён покачала головой.

– Ничего.

Она вернулась к столику. Минхо наблюдал, как она достаёт из сумки тонкую тетрадь и телефон. На экране вспыхнуло уведомление. Девушка быстро перевернула устройство и положила его рядом с локтем. Он заставил себя отвернуться. Это было несложно. В конце концов, он не собирался нарушать её границы. По крайней мере, так он сказал себе.

Через несколько минут Ёна написала ему сообщение: Ты ещё жив?

Минхо ответил: Пока да.

Потом заметил, что Джиён смотрит в окно, но не пишет и не читает. Она просто сидела, положив ладонь на закрытую тетрадь. На стене тикали часы. В семь двадцать пять она допила эспрессо и поднялась.

– Сколько с меня?

– Я записал на счёт, – сказал Минхо, прежде чем успел подумать.

– На какой счёт?

– В смысле... – Он запнулся. – Я имел в виду, что уже пробил заказ.

Джиён посмотрела на него с лёгким недоумением.

– Я заплачу.

– Конечно.

Минхо назвал сумму. Она приложила карту к терминалу и убрала её с телефоном в сумку. Потом взяла тетрадь, но край её рукава зацепился за блюдце. Чашка качнулась. Минхо рванулся вперёд, однако сделал только хуже. Остаток эспрессо выплеснулся на стол большой лужей и протёк на тетрадь. Минхо схватил салфетки.

– Простите. Простите, я сейчас всё вытру.

– Ничего страшного.

– Там же записи.

– Они не важные.

– Но всё равно... Минхо промокнул обложку, затем раскрыл тетрадь. Чернила на первой странице расплылись, превратившись в серые пятна.

Джиён смотрела на него, а он вдруг заметил в её лице раздражение.

– Я могу оплатить новую, – сказал Минхо.

– Не нужно.

– Правда, я...

– Минхо!

Он замолчал. Она впервые назвала его по имени. На бейдже у него было написано: MINHO, но раньше Джиён ни разу не произносила это вслух.

– Это просто бумага, – сказала она. – Она высохнет.

– Но чернила уже не высохнут обратно.

– Некоторые вещи нельзя вернуть в прежний вид. Она произнесла это без пафоса, почти равнодушно. Потом аккуратно закрыла тетрадь.

– До свидания.

– До свидания.

Джиён надела капюшон и вышла под дождь. Минхо остался стоять за стойкой, держа в руках мокрую салфетку. Он не понимал, почему голос Джиён так странно перекликается с голосом той ВJ – наверное, просто совпадение или сильная усталость.

Ёна вернулась через несколько минут и застала его за попыткой оттереть с деревянного стола пятно.

– Что случилось?

– Я испортил ей тетрадь.

– Кому?

– Девушке у окна.

– Той самой?

Минхо поднял голову.

– Какой «той самой»?

– Которая приходит по вторникам и четвергам, заказывает кофе.

Ёна повесила плащ на крючок и посмотрела на дверь, за которой исчезла Джиён.

– Ты хотя бы знаешь, как её зовут?

– Джиён.

– Уже неплохо.

– Это написано в приложении для заказов.

– Ещё лучше.

Минхо ничего не ответил. Он думал о разочаровании Джиён и постепенно мысли полностью перешли к ожиданию нового стрима Милой Д. Когда смена закончилась, он выключил свет над стойкой и запер входную дверь. Сеул за окном не собирался засыпать. По мокрому тротуару проносились курьеры на мопедах, из переулка доносился смех подвыпивших студентов, а над крышами домов мерцала красная вывеска караоке. Минхо добрался до квартиры ближе к полуночи. Он бросил ключи на полку, снял куртку и долго стоял в темноте, не включая свет. Потом всё-таки открыл ноутбук. Страница Д была уже загружена. Трансляция начнётся через минуту. Минхо замер. Он не мог закрыть вкладку и сидел перед экраном. Через несколько секунд появился знакомый тёмный фон. В кадре – край стола, микрофон и рука, поправляющая провод. Лица по-прежнему не было видно.

– Добрый вечер, – сказала Д.

На экране начали появляться сообщения зрителей: Мы скучали. Наконец-то ты в эфире. Расскажи, как прошёл день.?

Минхо смотрел на чат, не моргая. Потом Д тихо усмехнулась и сказала:

– День был странный. Я испортила одну вещь, но, кажется, не всё можно считать потерянными.

Минхо опустил взгляд на свои руки. Он вспомнил мокрую тетрадь и пятно на странице. И спокойное от Джиён: «Это просто бумага». Курсор мигал в окне для сообщений. Минхо напечатал: Надеюсь, вы сможете это исправить. Несколько секунд он смотрел на фразу. Потом стёр её. Он не имел права писать.

Пока не имел.

Глава 2. Квартира №402.

Следующая смена в «Kotton» закончилась в половину девятого.

Минхо снял фартук и повесил его на крючок за стойкой. Лямки перекрутились, и он расправил их, прежде чем отпустить. На ткани остались кофейные капли и светлая полоса от муки, он весь день помогал на кухне, когда заказов стало больше, чем обычно. Плечи ныли. Под ногтями темнели следы от кофейной гущи, а от запаха молока, сиропов и сладкой выпечки уже мутило. Минхо протёр край стойки, хотя тот уже был чистым, проверил крышки на стаканах и пересчитал мелочь в кассе. Не потому, что думал, будто кто-то мог обсчитать его на несколько монет. Просто иначе цифры не складывались.

Он вымыл руки, вытер их бумажным полотенцем и проверил телефон.

На экране было уведомление о просроченном платеже за электричество. Ниже сообщение от хозяина квартиры: «Оплату жду до пятницы. Без задержек». Минхо открыл банковское приложение, посмотрел на остаток и сразу закрыл. Цифра не изменилась от того, что он на неё посмотрел. До аренды не хватало. До конца месяца подавно.

– Если ты ещё раз пересчитаешь размен, он начнёт приносить проценты, – сказала Ёна. Она стояла у кофемашины и промывала холдер. Волосы у неё выбились из хвоста, на щеке осталась полоска молочной пены. Ёна заметила её не сразу и вытерла большим пальцем.

– Не принесёт, – ответил Минхо.

– Вот именно, можешь идти.

Он ещё раз посчитал и убрал монеты в кассу, проверив замок. Потом поправил стопку бумажных стаканов так, чтобы логотипы смотрели в одну сторону. Ёна давно перестала спорить с его привычками, хотя всё равно нащупывала их края, как больной зуб языком.

– Ты сегодня ел?

– Кофе пил.

– Я не спрашивала, что ты пил.

Минхо посмотрел на контейнер рядом на столе. В крышке запотел пластик. Пахло рисом и чем-то острым.

– Нет.

– Неудивительно. Поэтому у тебя всё время темнеет в глазах.

– Не темнеет.

– Тогда ты просто замираешь посреди зала с подносом. Что, конечно, совсем другое.

Она протянула ему половину кимбапа, завернутую в салфетку. Минхо посмотрел на еду, потом на неё.

– Я не просил.

– Знаю. Иначе ты бы не взял.

Он взял кимбап и убрал в карман куртки.

– Не клади рядом с чеком, – сказала Ёна. – Размокнет.

Такое в ней его раздражало.

Минхо проверил заперта ли задняя дверь и надел куртку. На улице моросил. В такую погоду город выглядел вымытым лишь издалека: вблизи вода собиралась в грязных лужах, тащила по асфальту окурки и листья.

Телефон завибрировал. Новый заказ в приложении для курьеров. Минхо взглянул на экран. Элитный жилой комплекс на другом конце района. Адрес оказался знакомым. Заказ был небольшим: два напитка, сэндвич, что-то ещё из кухни. Чаевых не указали. В комментариях

– пусто. Подработка курьером была не прихотью, а единственным способом не оказаться на улице к концу месяца. Он нажал «принять».

– Опять на доставку? – спросила Ёна.

– Угу.

– Ты же только закончил смену.

– Я и так собирался домой не сразу.

– Ты когда-нибудь собираешься домой сразу?

– Когда нечего делать.

Ёна повесила на него тяжёлый взгляд, будто ответ получился слишком честным, чтобы на него можно было возразить.

– Напиши, когда доедешь, – сказала она.

– Зачем?

– Чтобы знать, что ты не уснул на светофоре.

– Я не засыпаю за рулём.

– А я не умею читать мысли. У всех свои ограничения.

Минхо застегнул куртку до подбородка и вышел из кафе под навес, проигнорировав Ёну.

У обочины сгрудились листья жёлтые, липкие, потемневшие по краям. Маршрут появился на экране. Минхо проверил адрес ещё раз, затем время доставки, заряд телефона и остаток на балансе. Всё было в порядке. Он убрал телефон во внутренний карман куртки, но через секунду достал снова: ему показалось, что заказ не подтвердился. Подтвердился. Минхо застегнул воротник и надел шлем. На скутере сиденье уже покрылось мелкими каплями. Он провёл по нему рукавом, хотя ткань тут же намочила, и поправил сумку за спиной. Затем завёл скутер. Двигатель отозвался негромко и неровно. Минхо подождал, пока тот прогреется, и посмотрел на дорогу.

На выезде со двора заднее колесо заскользило по мокрой разметке. Минхо сбросил скорость и выровнял руль. Он знал, как вести скутер по такой дороге: не дёргать тормоз, не торопиться на поворотах, держаться подальше от листьев у бордюра. Но знание не отменяло осторожности. Особенно вечером, когда дождь скрывал ямы, а встречные фары бликовали через стекло шлема. Телефон в кармане коротко завибрировал – приложение перестроило маршрут. Минхо не стал доставать его на ходу. Достаточно было остановиться у ближайшего перекрёстка и свериться там. Он терпеть не мог смотреть в экран во время движения. У перекрёстка он остановился, достал телефон и проверил маршрут. Адрес был тот же. Он убрал устройство и снова посмотрел по сторонам.

Минхо думал о времени, о сумме заказа и о том, что завтра надо будет заправиться. Потом перестал думать об этом и сосредоточился на дороге. Под колёсами блестел асфальт; у обочины лежали мокрые листья. На очередном повороте он сбавил скорость и наклонился вместе со скутером, не торопясь. Мысли о дороге перешли в воспоминания о деревне, где провёл своё детство с бабушкой. Осень в деревне всегда казалась ему короткой. Лето уходило не сразу — ещё держалось в тёплой стене дома, в запахе нагретой земли, в поздней зелени на склонах. А потом однажды утром становилось холодно, и всё, что недавно было живым и густым, начинало опадать. Люди убирали с улиц пластиковые тазики, закрывали окна, вытаскивали из шкафов тёплые куртки. Минхо тоже оглядел свою, хотя рукава уже протёрлись на манжетах. Новую купить пока было незачем. Эта ещё выдержит сезон.

Сквозь дождь виднелись крыши домов, над магазином у дороги тускло светилась вывеска. Под ней стояли две коробки с мандаринами, прикрытые прозрачной плёнкой. Ветер приподнимал её край, и продавец, выглянув из двери, прижал плёнку камнем. На секунду

Минхо подумал о еде в кармане куртки – о половине кимбапа, которую дала Ёна, и решил съесть. Пока заказ задержали на кухне на шесть минут он доел.

Минхо не стал ругаться: точное время выдачи всё равно не влияло на его оплату. Он просто запомнил, что сэндвич был приготовлен позже напитков, а крышка на одном стакане закрылась с трудом. На парковке он проверил пакет и заметил, что салфеток положили слишком много. Три лишние и убрал их.

Жилой комплекс встретил его охраной и тишиной, от которой шум улицы казался чем-то далёким и неуместным. В холле пахло моющим средством. Охранник взглянул на термосумку, на экран телефона, потом кивнул и показал на лифт.

Минхо встал у зеркальной стены кабины. В отражении маска скрывала лицо до переносицы. Из-под шлема выбились волосы; он поправил их, и они сразу вернулись на место. Квартира №402. Он сверился с приложением. Комментариев не было. Обычно этот клиент просил оставить заказ у двери. Минхо помнил, потому что уже доставлял сюда заказ: в прошлый раз пакет стоял в коридоре до того, как он успел постучать и только потом увидел примечание «Оставьте у двери». На экране не было ни имени, ни фотографии. Только номер квартиры. Он нажал на звонок. Потом выждал десять секунд и нажал ещё раз. Нужно было убедиться, что заказ принят, чтобы не возникло проблем с оплатой. И потом клиент мог сообщить, что заказ не получил, и деньги сняли бы с него.

Он не мог позволить себе потерять даже эти пару сотен.

За дверью что-то негромко стукнуло. Не шаги – будто предмет задела рукой и он качнулся, ударившись о стену. Минхо посмотрел на экран телефона. В приложении отсчитывались последние минуты ожидания. Дверь приоткрылась.

Минхо приготовился извиниться за поздний визит – и не сказал ничего. На пороге стояла Джиён.

Не та Джиён, которую он видел в кофейне: в широкой толстовке и взглядом человека, который привык занимать как можно меньше места. И не та, чей голос на протяжении нескольких недель был у него скудным напоминанием о Милой Д. На ней было нижнее бельё. Она, кажется, не сразу поняла, кто стоит за дверью. Сначала посмотрела на пакет, потом на шлем, потом на его лицо, почти полностью скрытое маской. В глубине квартиры было холодное синевато-фиолетовое освещение. Минхо краем глаза увидел монитор и микрофон, ту самую атмосферу, которую Минхо видел сотни раз на экране своего монитора, когда, измотанный после смен, пытался хоть немного отвлечься от своей нищеты и одиночества. Взгляд Минхо невольно скользнул ниже лица и замер на шее Джиён. Чуть сбоку, виднелась татуировка.

Минхо узнал её раньше, чем успел что-то решить. Тонкая линия с изгибом, похожим на незамкнутый круг. На стримах он не раз пытался понять, что это: буква, символ, просто рисунок. Камера почти всегда скрывала часть татуировки волосами. Пока Милая Д сама не объяснила значение. Теперь рисунок был целиком перед ним, и от этого не стал понятнее.

– Спасибо, – сказала Джиён и протянула руку за пакетом.

Голос прозвучал мягко, так интимно. Не так, как в кофейне, где слова выходили негромко и сухо. Так она говорила в эфире, когда убавляла музыку и переходила к чему-нибудь личному. Не исповедовалась – по крайней мере, Минхо всегда говорил себе, что не исповедовалась. Просто разговаривала с людьми, которым некуда было больше деть вечер. В голове всплывали знакомые детали со стрима. Потом собственные руки на клавиатуре, как он хотел ощутить под пальцами тепло её кожи. Его комментарии, которые он никогда не отправлял. Вкладка, которую он закрывал, когда стрим подходил к концу. И девушка в «Kotton», заказывавшая двойной эспрессо без сахара и никогда не смотревшая на него дольше, чем требовал разговор.

– Всё в порядке? – Джиён нахмурилась.

– Да. Извините. Хорошего вечера.

– И вам.

Дверь вернулась в раму и щёлкнул замок. Минхо дошёл до лифта. Двери разъехались. Он вошёл и прислонился лбом к холодному металлу. Маску не снял. Дышал медленно, чтобы унять сердце, но дыхание было неровным: один вдох чуть длиннее, другой слишком короткий. На экране телефона мигнуло уведомление: «Заказ доставлен». Он нажал подтверждение. Кабина поехала вниз. Лифт остановился на первом этаже. Минхо вышел на улицу, сунул руки в карманы и пошёл к скутеру.

– Милая Д в реальной жизни оказалась серой мышкой Джиён, я же знал... Минхо знал. – последние слова вслух прозвучали как истерический припадок.

В груди появилась тянущая боль, накатила сильная слабость и дрожь, ноги не выдержали и Минхо упал, набок повалив за собой скутер. Джиён стала объектом вожделения, в голове он уже подавил её волю, искал пути заполучить её любой ценой и уже ждал следующей смены в «Kotton», чтобы начать действовать.

Часы на кухне тихо отсчитывали минуты далеко за полночь, когда Минхо наконец переступил порог квартиры. Ночь не принесла долгожданного отдыха, оставшиеся до рассвета часы превратились в пытку. Засыпая реальность уступала место липкому, знакомому до тошноты кошмару. Вот уже Минхо снова стоит перед старым домом, обложенным ивовым плетнем, стены зазубрены трещинами, окошки без стекла, в них могильный холод. Заброшенность и тление пахнут внутри, он слышит тихий шум, словно кто-то шепчет. На встречу из сеней вышла бабушка медленно, шаркающей походкой, и на морщинистом лице застыла странная, пугающая улыбка.

– Минхо, почему ты плачешь? – её голос звучал глухо, будто доносился из-под толщи земли.

Горло сжало спазмом.

– Потому что ты мертва, бабуль.

Кожа на лице и руках пошла буграми, её тело роем заволокли черви. Густой, удушливый смрад разложившейся плоти ударил в нос. Под ногами зашевелилась, проваливаясь в бездну, черная, рыхлая земля.

– И ты тоже сгинеешь как собака в огне.

Минхо резко поднялся с кровати, хватая ртом воздух, а сердце колотилось где-то в горле, норовя выпрыгнуть. По телу катился холодный пот, а после сна остался осадок. Бесконечно любимая бабушка никогда бы не произносила таких слов. Воспоминания о той деревне, где Минхо провёл своё детство в последнее время всё чаще преследовали его. Он был ещё совсем ребёнком, когда стал свидетелем жестокой расправы отца над бабулей.

А потом начался бесконечный круг ада. После похорон его забрала мать. Женщина, которая должна была защитить, превратила его жизнь в непрекращающийся террор вплоть до самого совершеннолетия. Минхо до сих пор вздрагивал при звуке резких шагов: в памяти всплывали голодные обмороки, жестокие издевательства, ремень, оставлявший рубцы на спине, и часы, проведенные в кромешной тьме тесного шкафа, куда его садили за малейшую провинность.

Минхо тяжело опустил ноги на холодный пол, нашаривая пачку с таблетками. Регулярная медикаментозная терапия и визиты к психотерапевту помогали держаться на плаву, глушить панические атаки. Но стоило только уснуть – как фармакология бессильно рассыпалась о прочные стены прошлого. Ночь снова возвращала его туда, в душную черноту, где он навсегда остался тем испуганным мальчиком, запертым в тесном шкафу

Отсюда и росло всё остальное: его параноидальная потребность контролировать каждый вздох вокруг, маниакальная тяга к идеальности и заикленность на мельчайших деталях. Расстройство личности не оставляло выбора.